

КАРЛ ДЕМЕТР

A detailed illustration of an eagle with its wings spread, perched on a branch. The eagle is rendered in a dark, textured style, possibly representing a military or historical symbol. It is positioned above the main title.

**ГЕРМАНСКИЙ
ОФИЦЕРСКИЙ
КОРПУС**

В ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

1650 – 1945

**Карл Деметр
Германский офицерский
корпус в обществе и
государстве. 1650-1945**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617975

Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945:

Центрополиграф; М.; 2007

ISBN 978-5-9524-2602-3

Аннотация

В этой книге представлена история Германского офицерского корпуса, существовавшего с 1650 по 1945 год. Автор рассказывает о том, какие факторы играли главенствующую роль в образовании офицерского корпуса, по каким критериям принимали на службу и какие изменения происходили с течением времени. Подробно освещает роль германского офицерства в обществе и государстве.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	21
Глава 1	21
Глава 2	29
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Карл Деметр Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945

Предисловие

Интерес к германскому офицерскому корпусу и роли, которую он сыграл в истории Германии, был особенно значителен в десятилетие, последовавшее за окончанием Второй мировой войны. Союзники стали свидетелями почти невероятного сочетания архаичного общества и высокой военной эффективности его армии. После неудавшегося покушения на фюрера 20 июля 1944 года мир получил первое представление о моральной и политической дилемме, перед которой оказались передовые члены этого общества. Последующий суд над военными преступниками позволил проследить, как происходил отход от принципов чести и воинской доблести, которые исповедовались в течение почти двухсот лет и на основании которых базировалось привилегированное положение офицерства по отношению к большинству немецкого народа.

Со временем интерес к побудительным мотивам немцев в годы Второй мировой войны значительно уменьшился. Но в мире произошло множество других событий, напомнивших, насколько часто и повсеместно возникает в обществе вопрос взаимоотношений между гражданскими и военными, чему Германия служит лишь одним, хотя, возможно, и наиболее доказательным примером. Как в эпоху огромной социальной подвижности могло возникнуть и сохраниться нечто столь закостенелое, как офицерский корпус? Как ему удавалось, реагируя на различные социальные и политические события, сохранять при этом присущую ему сплоченность? Как контролировался его состав? Какие факторы играли главенствующую роль в деле его образования и какова была допустимая степень его политической автономии? В государствах, где гражданская власть либо традиционно была слабой, либо незадолго до этого была грубо попрапа, подобные вопросы могли возникать неизбежно. Поэтому история германского офицерского корпуса может вызвать интерес не только у историка, изучающего Германию и ее войны, но и у социолога, занимающегося проблемами организации человеческого общества.

Знаменательно, что первое издание книги доктора Деметра (переработанное издание которой представляется сейчас читателю) должно было выйти в 1939 году. Пепел Первой мировой войны уже остыл, пламя Второй еще не разгорелось, рейхсвер не играл явной роли в политике республики,

и тем не менее было очевидно, что взаимоотношения германского офицерства с остальной частью общества ставили вопросы, которые по своей важности и сложности вполне заслуживают внимательного изучения современными историками и социологами. Нисколько не умаляя проницательности и профессионализма доктора Деметра, можно отметить, что его задачу облегчал тот интерес – доходящий порой до одержимости, – с которым относились к этим вопросам в Германии в последние сто лет – от Шарнхорста¹ до Людендорфа². Информация о социальном происхождении

¹ *Шарнхорст Герхард Иоганн Давид* (1755—1813) – прусский военный деятель, генерал (1807). Окончил военную школу (1777), затем служил в ганноверской армии. С 1786 г. преподавал в военной школе артиллерию. С 1793 г. в составе ганноверских войск сражался против французов, командуя батареей. С 1801 г. в прусской армии, с 1802 г. начальник Берлинского военного училища. Во время войны с Францией в 1806 г. был начальником штаба главнокомандующего, участвовал в сражениях при Ауэрштедте и Прейсиш-Эйлау. С июля 1807 г. директор военного департамента, одновременно начальник Генштаба и председатель комиссии по реорганизации армии, с 1808 г. возглавлял военное министерство. Вместе с генералом Гнейзенау Шарнхорст провел военную реформу, в результате которой была значительно улучшена организация армии и подготовка офицеров, сокращен срок службы, создан обученный резерв и подготовлено введение воинской повинности (1813), усовершенствовано вооружение, реорганизована тыловая служба. Шарнхорст был сторонником войны против наполеоновской Франции, оккупировавшей Германию, за что по требованию Наполеона I в 1811 г. был уволен в отставку, но фактически продолжал оставаться во главе военного министерства, готовясь к борьбе с интервентами. Во время освободительной войны с наполеоновской Францией в 1813 г. был начальником штаба Силезской армии генерала Блюхера. В сражении при Лютцене (май 1813) был тяжело ранен и вскоре умер. Шарнхорст известен и как военный теоретик.

² *Людендорф Эрих* (1865—1937) – военный и политический деятель Германии,

офицеров уже была аккуратно собрана. Чтобы собрать аналогичные сведения по французской и американской армиям, потребовались трудоемкие исследования, а по британ-

идеолог германского империализма, один из вдохновителей фашизма, генерал пехоты (1916). Окончил кадетский корпус (1881) и военную академию в Берлине (1893). С 1894 г. служил в Генштабе, в 1908—1913 гг. начальник оперативного отдела Генштаба. В 1913—1914 гг. командир 85-й пехотной бригады в Страсбурге. В начале Первой мировой войны обер-квартирмейстер штаба 2-й армии, действовавшей в Бельгии, с августа 1914 г. начальник штаба 8-й армии на Восточном фронте, с ноября начальник штаба Восточного фронта, с августа 1916 г. 1-й генерал-квартирмейстер Верховного командования германской армии. Являясь непосредственным помощником генерала Гинденбурга, Людендорф с августа 1914 г. фактически руководил действиями войск на Восточном фронте, а с августа 1916-го – действиями всех вооруженных сил Германии; насаждал в стране режим военной диктатуры, требовал беспощадного подавления любых выступлений народных масс, был сторонником наиболее варварских методов ведения войны. По настоянию Гинденбурга и Людендорфа в феврале 1917 г. Германия начала неограниченную подводную войну. Весной 1918 г. Людендорф предпринял ряд наступательных операций крупного масштаба во Франции. Авантюристическая стратегия Людендорфа, рассчитанная на одновременный разгром Советской России и стран Антанты, потерпела провал, привела к полному истощению сил германской армии и поражению Германии в войне. 26 октября 1918 г. уволен в отставку. Во время Ноябрьской революции 1918 г. в Германии бежал в Швецию. В феврале 1919 г. вернулся в Германию, был одним из организаторов Капповского путча 1920 г., имевшего целью ликвидацию Веймарской республики и установление военной диктатуры. Впоследствии сблизился с фашистами, вместе с Гитлером в ноябре 1923 г. в Мюнхене предпринял неудачную попытку фашистского переворота («пивной путч»). В 1924—1928 гг. депутат рейхстага от национал-социалистической партии. Выступал за возрождение военной мощи Германии и установление фашистской диктатуры, принимал активное участие в подготовке германского империализма ко Второй мировой войне. Один из авторов теории так называемой тотальной войны, положенной в основу военной доктрины германского фашизма.

ской армии таких сведений нет и до сих пор. Начиная с тяжелых дней Йены и пьянящих, хотя и противоречивых, событий «войн за освобождение Германии», германское офицерство непрерывно занималось самоанализом, каждое поколение заново определяло для себя свою сущность и предназначение и искало пути их реализации в постоянно меняющемся мире. Не стоит искать в истории британских или американских вооруженных сил примеров столь постоянного критического самоанализа. Ближайшая аналогия, которую можно найти в Британии, – это англиканская церковь во времена Джона Генри Ньюмана³. Но если свойственный Оксфордскому движению⁴ романтический интерес к прошлому разделяла лишь небольшая, хотя и влиятельная группа людей, то не менее анахроничные взгляды Эдвина фон Мантейфеля⁵ и его кружка приобрели значительное политическое влияние и сохраняли его достаточно долго.

Ибо, подобно англиканской церкви, германский офицер-

³ *Ньюман Джон Генри* (1801—1890) – английский кардинал, выдающийся религиозный мыслитель и литератор XIX в. Один из руководителей Оксфордского движения.

⁴ *Оксфордское движение* – движение за религиозное возрождение, начавшееся в Англии в 30-х гг. XIX в. Лидеры Оксфордского движения стремились убедить англичан в том, что церковь Англии не является продуктом Реформации XVI в., но представляет собой часть того, что называют «святой католической церковью», а потому исторически наследует ее вероучение, церковную организацию и богослужение.

⁵ *Мантейфель Эдвин фон* (1809—1885) – германский фельдмаршал, известный своими победами во Франко-прусской войне.

ский корпус в XIX столетии отчаянно противостоял духу нового времени. Социальная структура, созданная с учетом потребностей XVIII века, становилась все более архаичной. Великий курфюрст, Фридрих-Вильгельм, в XVII веке сформировал свое офицерство преимущественно из бедных дворянских семей из-за Эльбы. Происходившее там закрепощение свободного крестьянства выработало у местных землевладельцев привычку к власти, грозившую династии большими неприятностями, если бы бедность не заставляла дворян быть благодарными за любые должности, военные или гражданские, которые династия могла им предложить. Проблема беспокойного мелкого дворянства, поразившая Европу в XVI веке, была решена привлечением его на государственную службу. Но, как и все браки, это соглашение потребовало обязательств от обеих сторон. Взамен на готовность служить королю и носить королевский мундир, юнкера потребовали, чтобы королевские должности доставались только им одним – требование, которое с не меньшим успехом выдвинуло французское дворянство. Фридрих Великий согласился на это сразу же, как только завершилась Семилетняя война и появилась возможность положить конец чрезмерному разрастанию армии, возникшему в годы, когда стране грозила опасность. Средние классы были слишком ценны для него как источник дохода, чтобы позволить им узурпировать дворянскую привилегию военной службы. В последние десятилетия XVIII века прусская армия, как и предреволюционная

французская армия, превратилась в почти неприкрытую систему денежных пособий для высших классов, и это в то время, когда развитие военной науки потребовало от тех, кто воплощал ее в жизнь, нового типа профессионализма и когда изменения в социальной и политической обстановке поставили под сомнение всю концепцию армии как продолжения королевского двора и инструмента династической воли.

В сознании великих прусских военных реформаторов – Шарнхорста, Бойена⁶, Клаузевица⁷ – военные, социальные,

⁶ *Бойен Леопольд Герман Людвиг* (1771—1848) – фельдмаршал, военный министр. Обучался в военной школе и при этом посещал лекции Канта и Крауса. Его мысли по усовершенствованию военной науки были отмечены Шарнхорстом. В 1814 г. стал статским и военным министром. Он закончил дело Шарнхорста по реформированию прусского военного устава сообразно духу кантовской эпохи. Его делом также является создание ландвера (ополчения) и закона об обороне от 1814 года. Он прилагал немалые усилия к развитию нового прогрессивного порядка в Военной школе, будущей Военной академии. Бойен принимал участие также в развитии флота, береговой охраны и укреплении границ. В 1841 г. он наконец был представлен к званию генерала инфантерии (пехоты) и почетному званию рыцаря ордена Черного Орла. По 1847 г. являлся государственным тайным и военным министром Пруссии. В этот период произвел перевооружение сухопутной армии и поставил на вооружение капсюльные ружья. В 1847 г. ушел в отставку в звании генерал-фельдмаршала, получив при этом место гувернера дома инвалидов.

⁷ *Клаузевиц Карл Филипп Готлиб* (1780—1831) – немецкий военный теоретик и историк. В 1792 г. был зачислен в прусскую армию юнкером, в 1793 г. принял участие в войне с Францией. В 1801 г. поступил в военное училище в Берлине. После окончания училища был назначен адъютантом к принцу Августу Прусскому, вместе с ним попал в плен к французам в войне 1806—1807 гг. В 1808 г. Шарнхорст, глава военного министерства и председатель комитета по реорганизации армии, назначил Клаузевица начальником своей канцелярии. Клау-

политические и моральные побуждения были тесно связаны. В их представлении офицеры не могли больше оставаться королевскими слугами, получающими свои должности по наследству, но должны были стать вождями сражающейся отчизны, заслужившими это звание благодаря профессиональным качествам и силе духа, основанной на глубоком понимании мира, которое может дать лишь образование. Бойен, когда у него, как у военного министра, появилась возможность по окончании Наполеоновских войн преобразовать офицерский корпус прусской армии, надеялся превратить офицерство в национальную элиту, отбираемую с помощью экзаменов без учета происхождения. Это же требование мы находим в предложениях франкфуртского парла-

зевиц активно участвовал в подготовке к реорганизации армии и вскоре установил тесные дружеские отношения с Гнейзенау, будущим генерал-фельдмаршалом. В 1810—1812 гг. преподавал стратегию и тактику в Офицерском военном училище, начальником которого стал в 1818 г. Был одним из авторов документа, в котором выдвигалась идея войны в союзе с Россией против Наполеона. Когда в 1812 г. король Фридрих-Вильгельм III, заключив союз с Францией, направил воинские контингенты для участия в русской кампании Наполеона, Клаузевиц уехал из Пруссии и поступил на службу в русскую армию, где прошел путь от офицера связи до начальника штаба корпуса. В апреле 1814 г. вернулся на службу в прусскую армию, участвовал в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Сформулированные им стратегические принципы, необходимые для достижения победы, были с успехом применены Пруссией в войнах с Австрией в 1866 г. и с Францией в 1870 г. и легли в основу теории и практики подготовки и ведения военных действий многих других государств. В 1818—1830 гг. Клаузевиц был директором Всеобщего военного училища. Умер Клаузевиц в Бреслау 16 ноября 1831 г. Клаузевиц – автор книги «О войне», получившей широкую известность.

мента⁸ 1848 года. Но идея введения таких экзаменов показала консерваторам оскорбительной, они посчитали, что такая система приведет в офицерский корпус множество нежелательных элементов и, что еще хуже, многие достойные молодые люди не смогут в него попасть. Она, по выражению Вильгельма I⁹, породит «дух и характер совершенно отличный от того, что был до сих пор». То, что такие перемены могут быть политически опасными, а также социально нежелательными, стало ясно в 1848 году, когда отношение офицер-

⁸ *Франкфуртское национальное собрание 1848—1849 гг., франкфуртский парламент* – обще германское национальное собрание, созданное в период революции 1848—1849 гг. с целью объединения страны и выработки конституции. Открылось 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне. Из-за колебаний либерально-буржуазного большинства собрания, а также нерешительности и непоследовательности левого крыла собрание не сумело решить основной вопрос революции – объединение страны. Лишь в марте 1849 г., когда реакция уже победила в Пруссии и Австрии, франкфуртский парламент завершил выработку половинчатой конституции, в соответствии с которой германские государства должны были составить федерацию, но не сумел провести ее в жизнь. Вскоре австрийское и прусское правительства отозвали своих депутатов из Франкфурта; вслед за ними собрание покинули также либеральные депутаты других государств. Депутаты левого крыла перенесли заседания в Штутгарт; 18 июня 1849 г. парламент был разогнан.

⁹ *Вильгельм I* – второй сын Фридриха-Вильгельма III. Он не считался претендентом на престол и поэтому получил чисто военное образование. С 1814 г. служил в армии, сражался против Наполеона, а затем стал превосходным дипломатом, участвуя в дипломатических миссиях после 1815 г. В 1848 г. он успешно подавил восстание против своего старшего брата короля Фридриха-Вильгельма IV. 2 января 1861 г. Фридрих-Вильгельм IV умер, и Вильгельм вззошел на трон как Вильгельм I Прусский. Он назначил Отто фон Бисмарка премьер-министром. Именно Бисмарк реально управлял политикой, как внутренней, так и внешней.

ства, которое было буквально plus royaliste que le roi («большие роялисты, чем сам король»), стало решающим фактором в поражении революции. В 1861 году наблюдались дальнейшие протесты против обязательного высшего образования для офицеров, как способного привести к «радикальным изменениям в характере офицерского корпуса». Возникал существенный вопрос: поведет ли новое офицерство себя так же, как старое в 1848 году?

Если оставить в стороне политические намеки, то сам спор, между сторонниками образованного офицерства и теми, кто предпочитал «характер», выработанный предположительно хорошим воспитанием, был свойственен не только Германии XIX века. Каждый, кто связан с военным образованием, увидит из исследований доктора Деметра, со скольких давних пор ведется спор о том, как следует готовить будущих офицеров. «Военные школы не академии, и нас здесь волнует не столько «наука», сколько непростая задача ознакомить молодых людей с основными принципами войны и, так сказать, с приемами ремесла». Так было сказано в меморандуме генерального инспектора военной подготовки и образования Пруссии в 1890 году, но схожие взгляды высказывались и в более близкое к нам время. В военных кругах, как в Британии, так и в США, все еще широко распространено было мнение, что все решает воля, а не интеллект.

Но к концу XIX века растущая потребность в большом количестве офицеров для службы в «миллионной армии»

фон Шлиффена¹⁰ уже не оставляла консерваторам возможности сохранить офицерский корпус как социальную элиту: реформаторы должны были превратить его в элиту интеллектуальную. В 1890 году глава военного кабинета – чиновник, отвечающий за поддержание высокого уровня офицерского корпуса, в частных беседах признавал, что вступительные экзамены следует рассматривать лишь как формальность. «Главное – поскорее нацепить на них военную форму». Его преемник на этом посту в 1909 году считал, что заполучить достаточное количество квалифицированных офицеров невозможно, но добавлял: «Я не считаю это большой бедой, пока возобновление армейского духа не прекращается». И хотя прежнее дворянство не желало знаться с сыновьями банкиров, адвокатов и купцов и даже прилагало усилия, чтобы избежать общения с ними, образуя особые элитные подразделения (и такое происходило не только в Пруссии), оно больше не могло отвергать их как политически

¹⁰ Шлиффен Альфред фон (1833—1913) – германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1911). Окончил офицерское училище (1853) и военную академию (1861). В качестве офицера Генштаба участвовал в Австро-прусской войне 1866 г. и Франко-прусской войне 1870—1871 гг. С 1884 г. начальник отдела германского Генштаба, в 1891—1905 гг. начальник Генштаба. С 1906 г. в отставке. Один из идеологов германского милитаризма. Автор германского плана Первой мировой войны. Будучи последователем К. Клаузевица и Х. Мольтке Старшего, Шлиффен отстаивал идею быстротечной войны, окружения армий противника путем стратегического охвата и разгрома его в большом генеральном сражении. Шлиффен преувеличивал роль полководцев в войне, отрицал возможность фронтального прорыва. Его взгляды оказали большое влияние на формирование германской военной мысли в межвоенный период 1918—1939 гг.

ненадежных. Те самые классы, среди которых в первой половине XIX века были так широко распространены либеральные и радикальные взгляды и которых допустили в армию лишь в тяжелые 1808—1814 годы (и очень быстро выгнали оттуда), после 1870 года почти поголовно стали сторонниками династии и режима. Они шли на унижения, чтобы пристроить своих сыновей в престижные полки и при всяком удобном случае наряжались в резервистскую форму. Когда Вильгельм II формально открыл для них двери офицерского корпуса своим императорским указом в 1890 году, старая гвардия почти не протестовала. Новобранцы с радостью восприняли существовавший порядок и пошли еще дальше в поддержании всех прав и привилегий, которые этот порядок им гарантировал.

Такое разбавление не изменило статуса офицерства как своеобразного класса самураев, первого сословия на земле. Этот статус был очень сложным, и нелегко отделить историческую реальность от романтических мифов, которыми офицерство было окутано в первую половину XIX века. В XVIII веке положение офицера-дворянина – полновластного хозяина в своих владениях, но при этом находящегося на службе у короля – казалось относительно ясным. В 1830-х и 1840-х добавляется давняя практика. Офицер теперь не только «королевский слуга», готовый сражаться за своего монарха, как предписывала ему феодальная верность, скрепленная клятвой перед Богом. Но он также и член самоуправ-

ляемого ордена, гильдии, напоминающей ландскнехтов XVI века с их сложным профессиональным кодексом поведения или даже больше – квазирелигиозный рыцарский орден типа Тевтонского. В мире, где все время происходят неприятные перемены, те члены офицерского корпуса, которым хватало для этого образования, подбадривали друг друга порциями плохо перевариваемого исторического вздора. Точно так же, как в Англии апостолы Оксфордского движения в это же время смущали своих более благоразумных коллег, убеждая их, что церковь, которой они служат, – видимое тело Христова на земле. Сомнительно, чтобы идеи Мантейфеля встретили более радушный прием – в заметках принца Фридриха-Карла, обладавшего превосходным здравым смыслом, не содержится никаких намеков на это. И все же понятие офицерского кодекса чести есть нечто, отличное от требования подчиняться приказам. Чувство принадлежности к независимой, самовоспроизводящейся корпорации, в дела которой опасался вмешиваться сам король, не говоря уже об остальных, нетерпимой к любопытным взглядам и презирующей жалобы посторонних, становилось год от года все крепче. Личная преданность монарху, совершенно анахроничного рода, стала еще больше подчеркиваться с ростом опасности, что военные вопросы могут быть переданы в ведение рейхстага. Попытка не допустить вмешательства демократического процесса в вопросы обороны не была чисто прусским феноменом, но нигде больше такие попытки не предпринима-

лись более последовательно и с большим успехом.

И все же офицерство не могло быть изолировано от общего направления общественного развития XIX и XX веков. Данное в 1911 году предупреждение офицерам, чтобы они не посещали дневные чаепития в крупных берлинских отелях, поскольку там собирается очень разношерстная компания, – отчаянная попытка консерваторов противостоять времени. В армии, размещенной в своей стране, в непосредственном и неизбежном контакте с гражданским населением, офицеры заключали браки и посылали детей в школу, что не позволяло им жить изолированным гарнизоном. Изменения в социальной структуре или политическом климате рано или поздно затрагивают и армию, хорошо это или плохо. С этим столкнулся фон Зеект, когда он попытался воссоздать офицерский корпус после Первой мировой войны. На одно краткое десятилетие создалось впечатление, что ему удалось достигнуть всего, к чему стремились его предшественники. Благодаря принудительному сокращению численности армии до крошечных размеров он смог настоять, чтобы офицеры отбирались в соответствии с самыми высокими стандартами не только по происхождению, но также и по уровню образования и компетентности. Как и в других странах, дворяне стремились в армию, поскольку она осталась единственной средой, где их нравы были уместны, и они по-прежнему могли жить как «джентльмены», уйдя в какой-то мере во «внутреннюю эмиграцию». К 1932 году одну

треть всех офицеров составляли выходцы из дворянских семей. В то же время Зеект настаивал, чтобы все кадеты удовлетворяли, по крайней мере, университетским приемным требованиям, в то время как костяк в 1919 году он набрал из интеллектуальной элиты старой армии – сотрудников Генерального штаба, сохранить которых, как он писал, «означало сохранить дух армии».

Красноречивым свидетельством профессионального успеха Зеекта стали впечатляющие действия германских армий в начальный период Второй мировой войны. Но в своих политических начинаниях добиться успеха ему не удалось. Он хотел оградить старое офицерство от влияния демократических взглядов, даже несмотря на то, что у него больше не было под рукой монархии, способной внушить беззаветную преданность. На место верности монархии он хотел поставить верность идее государства. Рейхсвер, говорил он, должен быть «первейшим воплощением государственной власти». В том, что касалось вопросов внутренней политики, офицерство должно показывать пример неизменного нейтралитета. Но это требование было чрезмерным. С тем же успехом можно было требовать нейтралитета от французской армии во время Французской революции. Если в народе началось брожение, ничто не сможет оградить армейскую среду от проникновения в нее идей, споров и даже заговоров. Митинги приобретали значительно большее значение и влияние, чем дневные чаепития в берлинских отелях. Наци-

онал-социалистические идеи легко нашли себе дорогу в ряды старого рейхсвера. Когда Гитлер стряхнул с армии оковы и прием кадетов увеличился со 120 до 2000 в год, все усилия по ее изоляции стали тщетными, и более старшее поколение офицеров было сметено мощным и чуждым им приливом.

Интересно наблюдать, как один из офицеров старой школы, генерал фон Зенгер, вторил жалобам принца Фридриха-Карла семьдесятю годами ранее. Зенгер писал, что «в тридцатых годах старшие офицеры не поощряли раболепства, которое в наше время стало правилом». Фридрих-Карл жаловался, что «подхалимаж не пресекается, а поощряется продвижением по службе, сплетням уделяется такое внимание, как если бы это были донесения секретной полиции... в настоящее время мы вынуждены смириться с ухудшающимся качеством нового пополнения офицерского корпуса». Военной бюрократии нельзя привить дух офицерского товарищества. Как можно ожидать от офицера джентльменского поведения, если ему больше не нужно быть джентльменом? Чтобы ознакомиться с этой проблемой в более приятной обстановке, читатель может обратиться к военным романам английского писателя мистера Ивлина Во.

Таким образом, офицерский корпус уже сорвало с привычных якорей, когда разразилась Вторая мировая война. Последующие заявления, что вермахт не принимал участия в нацистских зверствах, не выдерживают проверки, но сам вермахт был новым наростом, над которым старшие офице-

ры почти не имели контроля, в то время как военизированные образования, в больших количествах размножившиеся вокруг него, противоречили обещанию Гитлера, что вермахт будет единственной движущей силой Третьего рейха. Доктор Деметр продолжил свое исследование, включив в него последнюю трагическую и позорную главу из истории германского офицерского корпуса, но в 1939 году Гитлер полностью лишил его научной независимости, так что из этого получился лишь горестный эпилог истории, которая должна была закончиться в 30-х годах, когда офицерство оказалось встроенным в структуру Третьего рейха. После того одни офицеры вели себя порядочно, другие – чудовищно, а большинство просто делали, что могли. Лишенные защиты своей касты, они реагировали на продолжительный кризис, как реагировал бы на их месте любой другой, и из этого периода нельзя делать никаких обобщающих заключений. Мы можем только надеяться, что обычным людям, какова бы ни была их профессия или национальность, не придется снова проходить через подобный кризис.

Майкл Ховард

Часть первая

Социальное происхождение

Глава 1

Пруссия: до Йены

Когда мы говорим о социальном происхождении такого класса или сообщества, как германский офицерский корпус, возникают два вопроса: первый – профессиональное или социальное положение родителей его членов в каждый конкретный исторический момент и второй – система классификации, как таковая. Последняя может относиться к более ранней стадии социального развития, но она может сохранить свое значение и на более позднем этапе. Другими словами, мы говорим о делении общества на сословия. Мы обсуждаем вопросы статуса, или различия между дворянством и буржуазией.

Имея это в виду, начнем рассмотрение социального происхождения офицерского корпуса Пруссии, поскольку именно Пруссия служила образцом для германского офицерства в целом. Изучение периода, когда зарождалась новая прусская

армия – скажем, от великого курфюрста¹¹ и до начала XIX века, – обнаруживает в наших знаниях пробелы, заполнить которые не представляется возможным. Даже перед Второй мировой войной архивная информация была далеко не полной. А что касается XVII и XVIII веков, мы почти ничего не знаем о том, чем занимались отцы прусских офицеров и кадетов. В те времена такие данные не собирались, а если и собирались, то сейчас они безвозвратно утеряны. Тем не менее доступные документы и историки, которые поработали над ними, дают нам кое-какие подсказки относительно пропорционального соотношения дворянства и буржуазии в составе офицерства. Однако это только подсказки, и они не позволяют выяснить точные цифры для всего этого периода.

Во времена великого курфюрста и его непосредственного преемника¹² списки офицерского состава велись весьма фрагментарно, и зачастую один и тот же человек может появляться в них как с дворянским префиксом перед именем, таким как «фон», так и без него. Но, когда мы видим, что дворяне, служащие сержантами или рядовыми, появляются в списке офицеров, мы можем сделать некие важные умозаключения. По-видимому, во время Тридцатилетней войны

¹¹ *Фридрих-Вильгельм Бранденбургский* (1620—1688) – курфюрст Бранденбургский с 1640 г., так называемый великий курфюрст, из династии Гогенцоллернов. При нем с Бранденбургом окончательно соединены герцогство Пруссия и ряд других земель. Заложил основы прусского абсолютизма.

¹² *Фридрих II Бранденбургский* (1688—1713) – в 1701 г. стал Фридрихом I Пруссим.

(1618—1648) социальный разрыв между знатью и простолюдинами был уже не так велик, как во времена ландскнехтов¹³. Трое крестьянских сыновей – Дерффлингер, Людке и Хеннигс – частые гости за столом курфюрста, но при его сыне – короле Фридрихе I – все должности были отданы дворянскому сословию и дворяне – особенно из Бранденбурга и Померании – составляли ядро, вокруг которого группировались остальные офицеры, будь то иностранцы или буржуа. Офицеры буржуазного происхождения изредка встречались даже в гвардии, и приказом от 11 марта 1704 года король специально заверил таких офицеров, что в вопросах продвижения по службе они могут рассчитывать на полное равноправие. Дворяне всегда относились к офицерам-артиллеристам – сыновьям буржуа, получившим военное образование, – с высокомерием: над их пушкой по-прежнему витал дух мастерской и кузницы, но король даровал им статус, равный статусу гвардии.

Постоянное уменьшение доходов от поместий вело к тому, что дворяне все больше уступали королю не только в государственных вопросах, но и в его желании видеть их сыновей офицерами своей армии. Но чем больше они посылали в армию своих детей, тем больше было среди старших офицеров дворян – процесс, который продолжился при втором короле Пруссии Фридрихе-Вильгельме I. Фридрих Великий писал: «В каждом полку из состава офицеров изгоня-

¹³ *Ландскнехты* – наемная немецкая пехота XVI—XVII вв.

лись люди, чье поведение или происхождение несовместимо с благородной профессией, которой они желали себя посвятить, и поэтому в то время офицеры могли быть уверены, что их товарищем мог стать лишь человек с безупречной репутацией». Численное соотношение между знатью и простонародьем среди офицеров армии Фридриха-Вильгельма I приводится в документе от мая 1739 года – предпоследнего года его правления. Этот документ показывает, что все 34 генерала были дворянами и что из 211 старших офицеров не были дворянами только 11. Что касается офицеров в чине капитана и ниже, в списке, к сожалению, не приводится титулов вообще. В этом списке не дается состав инженерных войск, но в его рядах соотношение между дворянством и буржуазией было примерно таким же. Однако следует помнить, что в то время получить дворянский титул было совсем не трудно, по крайней мере для богатых людей. Любой, кто сделал взнос в рекрутский фонд, или прислал исключительно высокого рекрута, или даже построил красивый дом в Берлине, вскоре получал такой титул. С другой стороны, унтер-офицеры в награду за долгую службу могли быть произведены в младшие лейтенанты.

Во времена правления Фридриха-Вильгельма I также появился новый тип кавалерии – гусары, – который представляет определенный интерес в данном контексте. Их социальное положение, как и у артиллеристов, должно было сильно измениться позднее, и об этом в юмористическом тоне пи-

шет генерал фон Пап. В газете, вышедшей в Берлине 2 марта 1887 года, он писал: «Когда Фридриху-Вильгельму I понадобились гусары, собрали всякий сброд и сформировали из него эскадрон. Чтобы привести их в более-менее приличный вид, назначили командующим моего прадеда, который был до этого капитаном драгун. У этих гусар была самая худшая репутация не только в армии, но и по всей стране, но от назначений, конечно, не отказываются. Однако когда мой прадед надел гусарскую форму и увидел себя в зеркале в этом, как он сказал, «шутовском наряде», его чуть удар не хватил. Но, тем не менее, он был первым офицером, командовавшим гусарами».

Фридрих Великий, как и его отец, время от времени восполнял нехватку офицеров за счет буржуазии, но это была вынужденная мера, вызванная тяжелыми потерями в Семилетней войне. В целом тенденция была прямо противоположной. Его трое предшественников с большим трудом подчинили себе неотесанное деревенское дворянство (юнкерство) и постепенно заставили его служить в армии, но Фридрих II не только отдавал им предпочтение, но и приблизил их к своей персоне. Существуют свидетельства, что всякий раз, когда будущие офицеры проходили перед ним строем, он собственноручно палкой выгонял из рядов тех, кто происходил из буржуазных семей. Он даже зашел так далеко, что запрещал браки с женщинами недворянского происхождения. Несмотря на всю его «просвещенность» в других об-

ластях, ему было свойственно феодальное сознание, которое особенно возобладало в последний период его жизни. Тем не менее, видимо, принц Фридрих-Карл Прусский был не прав, когда, столетие спустя, назвал это «одной из многих французских идей, которой этот великий человек слепо следовал» (приложение 1). Во Франции такой авторитет в военной области, как Вобан¹⁴, утверждал, что офицеров «нужно набирать из крепких духом и телом молодых дворян, предпочтительно младших сыновей небогатых отцов». Поэтому Фридрих Великий был в принципе не одинок в своем мнении, что честь – качество, свойственное в основном лишь дворянству, в то время как достоинства и таланты встречаются повсюду, в том числе и среди буржуазии. Показателем социального положения офицерского пополнения во времена Фридриха II может быть положение дел в полку апенбургских драгун. В начале Семилетней войны в полку не было ни одного офицера буржуазного происхождения. В конце войны (1763 год) таких офицеров было пять из тридцати семи. Однако к июлю 1748 года их число уменьшилось до трех. Такую закономерность мы будем часто прослеживать в течение XIX века, и ее лишь отчасти можно объяснить разницей в требованиях к офицерам в мирное и военное время.

¹⁴ *Вобан Себастьян Ле Претр де* (1633—1707) – французский военный инженер, маршал Франции (1703), маркиз. Изложил научные основы фортификации, построил и перестроил свыше 300 крепостей, разработал метод постепенной атаки крепостей, один из основоположников минно-подрывного дела. Автор сочинений по военно-инженерному делу и экономике.

Так получилось, что в год смерти Фридриха II по меньшей мере девять десятых офицерского состава носило дворянские фамилии и одна десятая, которую составляли буржуа, была надежно изолирована от остальных – частично в гарнизонных полках, но главным образом в артиллерии. Изучение состава старших офицеров от майора и до генерала показывает, что соотношение составляло 689 к 22. В заключение можно с уверенностью сказать, что Фридрих Великий воплотил на практике свое широко известное высказывание: «Старое прусское дворянство – такая хорошая порода, что ее следует сохранить».

Это соотношение оставалось по существу неизменным еще двадцать лет после смерти Фридриха Великого.

В 1806 году среди семи-восьми тысяч офицеров прусской армии было 695 буржуа, из которых 131 человек служил в линейных полках (из них 83 в мушкетерских гарнизонных батальонах), 76 в пехоте, 289 в артиллерии, 84 в кавалерии (вероятнее всего, в гусарах), 37 в других корпусах и 82 числились больными (инвалиды). Среди старших офицеров выходцев из буржуазных семей было около 30. Фридрих-Вильгельм II и особенно Фридрих-Вильгельм III в самом деле испытывали сильное чувство неосознанной симпатии к буржуазии. Тем не менее понадобилось великое несчастье, постигшее страну и армию в 1806 году в Йене, чтобы перейти от этих довольно поверхностных симпатий к решениям и действиям. Прусские «медные каски» по-прежнему мысленно

жили во времена «старины Фрица», и только потрясение заставило их осознать, что новые времена нельзя безнаказанно оценивать мерками былых побед и принципами минувших дней. Событием, оказавшим столь сокрушительное воздействие на прусские войска и их командиров, стало появление нового гения, имя которому – Наполеон.

Глава 2

Пруссия: реформа и реакция

Несомненно, есть основания говорить – и историки часто это отмечают, – что причиной несчастья, постигшего страну и армию в Йене в 1806 году, стала социальная, а следовательно, и военная отсталость прусской армии, или, точнее говоря, ее офицеров. Самая поразительная черта старших офицеров прусской армии – это их старость. Вот данные для 1806 года:

142 генерала: 4 старше 80, 13 старше 70, 62 старше 60.

Старшие офицеры:

540 в пехоте: 7 старше 70, ПО старше 60, 187 старше 50.
227 в кавалерии: 25 старше 60, 129 старше 50. 39 в артиллерии: 4 старше 70, 22 старше 60. 14 в инженерных войсках: один старше 70, 2 старше 60, 7 старше 50.

65 в общем списке: 4 старше 60, 5 старше 50.

Капитаны пехоты и кавалерии:

945 в пехоте: 2 старше 70, 18 старше 60, 119 старше 50.

241 в кавалерии: 18 старше 50.

63 в артиллерии: 6 старше 60, 26 старше 50.

28 в инженерных войсках: 3 старше 50.

29 офицеров, не входящих в состав полков: один старше 60, 2 старше 50.

261 лейтенант артиллерии: 1 старше 70, 5 старше 60, 9 старше 50, 7 старше 40.

Даже если бы все остальное в армии было в первоклассном состоянии, одно можно сказать твердо: две трети генералитета либо приближалось к библейскому возрасту, либо уже давно перешагнуло этот рубеж. Четверть командиров полков и батальонов – люди, которые должны нести основное бремя битвы, – были старше 60 лет – возраста, в котором обычный человек не способен выдерживать физических нагрузок войны, а командиры рот и эскадронов были не многим моложе. От таких офицеров нельзя было ожидать каких-либо результатов в сражении, и менее всего в сражении против численно превосходящей армии противника под командованием такого молодого гения, как Наполеон, имеющей за плечами опыт многих лет сражений и воодушевляемой национальной идеей о своей великой цивилизаторской миссии.

Но в прусской армии были и другие серьезные недостатки. Даже до 1806 года общественное мнение относительно армии и ее командиров было неоднозначным, хотя в целом благоприятным. Во всяком случае, скептики не решались открыто высказываться до тех пор, пока катастрофа при Йене не воодушевила критиков армии и ее руководства и не возвела саму критику в ранг патриотического долга. Даже до этого находились независимо мыслящие люди, которые утвер-

ждали, что существующие порядки устарели и назрела необходимость реформ. Типичный пример такого человека – барон фон Штейн¹⁵. За четыре года до Йены он назвал «глупым предрассудком» то, что наиболее важные посты в армии остаются привилегией дворянства. И это замечание было обращено на всю систему. Знаменательно, что мы находим его в *конфиденциальном* письме к Заку в Хильдесхайм. После Йены этот пункт стал для общественности почти что аксиомой. Во всяком случае, поражение стало сильным аргументом в его пользу, и если приверженцы старого феодального режима в результате этих событий не изменили своих убеж-

¹⁵ *Штейн Генрих Фридрих Карл* (1757—1831) – барон, немецкий государственный деятель. С начала 1780-х гг. занимал ряд важных постов в горной промышленности Вестфалии. В 1804—1807 гг. министр прусского правительства. Выдвинутая им идея широких государственных реформ натолкнулась на сопротивление короля и его окружения. В обстановке, сложившейся в Пруссии после поражения прусской армии в Йена-Ауэрштедтском сражении 1806 г., был поставлен (октябрь 1807) во главе прусского правительства; вопреки сопротивлению реакционно настроенного юнкерства провел ряд буржуазных преобразований (см. Штейна – Гарденберга реформы). В ноябре 1808 г. под давлением Наполеона I, опасавшегося усиления Пруссии, уволен в отставку. Вынужденный покинуть Пруссию, поселился в Праге, а в мае 1812 г. по приглашению русского царя Александра I прибыл в Россию. Разработал план подготовки всеобщего восстания против наполеоновского господства в Германии. Возглавил Комитет по немецким делам (Немецкий комитет) – независимую от германской монархии организацию, сыгравшую важную роль в борьбе за освобождение Германии от наполеоновского ига. В 1813—1814 гг. руководил центральной комиссией по управлению освобожденными территориями Германии. Отстаивал идею создания национального германского государства. С наступлением реакции в Германии отошел от политической деятельности. С 1827 г. член прусского Государственного совета.

дений, то они держали свое мнение при себе.

Но, когда наполеоновские войны закончились, старая гвардия снова вступила в спор как по убеждению, так и ради собственных корыстных интересов. Консервативная идея класса-государства нашла своего выразителя в лице бранденбургского аристократа Фридриха Августа фон Марвица. Это был исключительно способный человек, наделенный острым умом и пылким темпераментом. Он получил прекрасное воспитание и в совершенстве владел ораторским даром – словом, личность незаурядная, подобно которой не было среди бранденбургской аристократии ни до, ни после него.

Интересно проследить, как подобный человек – достойный представитель своего класса – оценивал ситуацию, сложившуюся спустя тридцать лет после Йены. Вот что он писал в своих воспоминаниях:

«Стали известны такие вопиющие факты пренебрежения своим долгом, что можно подумать, будто армия представляла собой сборище трусов, предателей и идиотов, в то время как на самом деле те, кто предстал в таком виде, были просто невежественными, злобными, офранцузившимися стихоплетами.

Однако не стоит забывать, что:

а) основной изъян был на самом верху, и поэтому все проявления мужества, преданности и самопожертвования, имевшие место внизу, не оказали влияния на исход в целом,

в то время как все дурное получило широкую огласку и принесло ужасные плоды;

б) все командиры, покрывшие в 1813 году и последовавших за ним годах славой имя Пруссии, одержавшие много славных побед над врагом и дважды входившие в его столицу как победители, в 1806 году уже были офицерами прусской армии и в большинстве случаев занимали командные должности. Среди них было шестьдесят командиров армейских корпусов, дивизий и бригад и более 100 командиров полков, чья служба началась еще до 1806 года. Лишь 10 из 300 командиров батальонов и лишь 100 из 2000 командиров рот и эскадронов были назначены на свои посты после 1806-го. Если одни и те же люди добиваются одних результатов в 1806 году и совершенно противоположных в 1813-м, возможно, причина тому не в самих офицерах, а в решениях, принимаемых на более высоком уровне, – в уставе, в экипировке, в обстоятельствах, но главным образом – в Божьей на то воле».

То, что самое слабое место было наверху, вне всякого сомнения. Тем не менее часть командиров крепостей были некомпетентны и слишком стары для своих должностей, и этот факт ни в коей мере не опровергается аргументами Марвица. Как установили военные историки, действительно, 4000 из почти 7000 офицеров, служивших в прусской армии в 1806 году, принимали участие в последовавшей войне за освобождение и внесли свой вклад в трудную победу, но

с другой стороны, офицеры 1813 года были в значительной степени новым поколением. Важно не то, что 4000 офицеров по-прежнему оставались в армии, а какие посты они занимали. Было проведено существенное сокращение армии, позволившее безболезненно уволить престарелых генералов и старших офицеров, от которых не было никакого проку. Те, которые пришли на их место, зачастую были очень молоды. Те, которые в 1806 году были младшими офицерами, в 1813 году командовали батальонами и целыми полками – факт, доказывающий, что в 1806 году многие офицеры действительно были уже в преклонном возрасте, и это привело к катастрофическим последствиям.

Однако мы должны соотносить это конкретное явление с более общими принципами, которые лежат в его основе, а именно: слишком много внимания уделялось форме и слишком мало – материальным требованиям. Если говорить точнее, в армии преобладала безрассудная привязанность к старым формам, которые были сформированы совсем другими обстоятельствами и потребностями, но теперь стали полностью непригодными. Это относится не только к тактике ведения войны, но также и к вопросу, который мы здесь рассматриваем: как происходил набор офицеров и их повышение по службе. В борьбе не на жизнь, а на смерть, которую навязала Пруссии революционная армия Наполеона, наличие в войсках синекур вело к фатальным последствиям. Но система синекур была прямым следствием того, что верховные долж-

ности в армии отдавались дворянству в пожизненное пользование. Возможно, авторитет короля, если использовать его разумно, мог предотвратить отдельные злоупотребления, но они коренились в системе, как таковой, и с поражением армии эта система неминуемо должна была рухнуть. Неизбежность подобного конца становилась все более очевидной в связи с тем, что в Германии, как и в других странах, в последние несколько десятилетий старая система вошла в противоречие с новыми социальными, политическими, философскими и образовательными веяниями, типичными представителями которых можно считать Вольтера и Руссо, а практическим воплощением – Французскую революцию.

В Германии, как и во Франции, основной чертой нового духа времени было стремление восстановить изначальную «простоту» во всем, что касалось общественной и частной жизни. Это вызывало враждебность по отношению к старому феодальному общественному порядку, поскольку последний рассматривался как искусственное образование, порожденное эгоизмом правящих классов. Дворянство и его социальный заповедник – офицерство – стали объектом ожесточенных нападков. Здесь не представляется возможным рассматривать подобного рода труды с точки зрения исторической социологии. Позволю себе только привести суждение благожелательного военного историка (и старшего офицера), высказанное в конце XIX века: «Состав офицерского корпуса (1806), вне всякого сомнения, демонстрировал тенденцию,

неприемлемую с точки зрения социальных представлений, принятых к тому времени в цивилизованном мире. Она требовала изоляции и окостенения во имя традиции и приводила к тому, что силы страны расплылись. Но причины подобной ситуации следует искать не в самом офицерском корпусе или в отдельных его представителях, а в верховной власти: исправить положение не мог никто, кроме нее. Изоляция офицерского корпуса и порожденная ею взаимная неприязнь между офицерством и обществом не приносила ничего, кроме вреда».

После катастрофы высшая власть приняла меры. 25 июля 1807 года король учредил комиссию по реорганизации армии. В этой важной комиссии вначале было больше консерваторов, чем реформаторов, но король своей рукой набросал направление ее деятельности. Этот документ состоял из девятнадцати пунктов. Пункт 5 непосредственно касался социального состава офицерского корпуса. В нем король писал: «Не следует ли произвести изменения относительно приема буржуазии и принимать ее в большем количестве?» Это единственное предложение, этот раздумчивый вопрос, заданный с легким оттенком нежелания, запустил масштабный процесс и в действительности открыл новую главу в истории прусского офицерского корпуса – и, конечно, в истории Германии.

Первый проект отчета, представленный комиссии, был подготовлен противником реформ подполковником фон

Лоттумом, и он дал на заданный в пятом пункте вопрос следующий ответ: опыт других германских государств показал, что допущение в армию офицеров буржуазного происхождения не сулит ей никаких выгод. Но если считается, что такой шаг привлечет на сторону армии многих влиятельных граждан (что весьма вероятно), то это достаточное основание для подобной рекомендации. Но в таком случае следует принимать лишь представителей респектабельных и культурных буржуазных семейств, чтобы их связи не оказались несовместимы с их будущим социальным положением. Сходная точка зрения была высказана подполковником фон Борштелем в его докладной записке от 20 сентября 1807 года. Тот факт, что прусское офицерство в целом поддерживало идею о предоставлении армейских должностей выходцам из буржуазных семей, находит свое подтверждение в тексте докладной записки, поданной комиссией, и в открытом признании Бойена. Но с точки зрения Лоттума, поддержанной Борштелем и многими другими, предоставление должностей буржуазии должно было быть ограничено строгими рамками, что гарантировало бы преобладание в армии представителей беднейшего прусского дворянства. Слова, сказанные Фридрихом Майнеке о Борштеле, можно с тем же успехом отнести к Лоттуму и тем, кто придерживался подобного образа мыслей: «Крепкий ствол его аристократических и военных убеждений теперь предстояло украсить либеральными гирляндами».

Сторонники реформ в самой комиссии не строили иллюзий относительно этого факта, но после того, как консерваторы были заменены реформаторами, комиссия стала склоняться в пользу нововведений. Первый проект Лоттума, содержащий множество оговорок, был полностью отклонен, и отчет, который в конечном итоге был представлен королю, носит несомненный отпечаток взглядов Шарнхорста и Гнейзенау – ярых сторонников реформы.

В конце концов их взгляды (и в какой-то степени сам текст документа, например два вступительных предложения) были воспроизведены в королевском указе, вышедшем в Кенигсберге 6 августа 1808 года (спустя почти 12 месяцев) со следующим заголовком: «Правила назначения на должности прапорщиков и выбора офицеров для пехоты, кавалерии и артиллерии». Он начинался следующими словами: «В дальнейшем при выборе претендентов на какую-либо должность будут учитываться только образование и компетентность в мирное время и выдающаяся храбрость и бдительность во время войны. Отсюда следует, что любой житель Пруссии, обладающий этими качествами, может добиваться высочайших военных должностей. Все преимущества, которыми до сих пор пользовалось в армии дворянское сословие, отменяются, и все граждане, независимо от происхождения, будут иметь одинаковые права и обязанности...»

В действительности этот указ лишь только применил текст первого прусского указа о реформе, датированного 9

октября 1807 года, к условиям вступления в офицерский корпус. Этот указ, отменивший все различия между классами, и в частности крепостное право, дал буржуазии и крестьянству право приобретать у дворян земельную собственность и позволил дворянам заниматься предпринимательством. Из этого логично последовали такие меры, как отмена телесных наказаний в армии и тому подобное. И как любая другая крупная реформа, она вызывала вопрос: действительно ли это реформа или же на самом деле это революция – революция сверху. Во всяком случае, указ от 6 августа 1808 года, если рассматривать его вместе с другими нововведениями, произвел над прусской армией и государством очень серьезную операцию, повлекшую за собой множество осложнений. Подтверждением того, что выбранное лечение все-таки оказалось действенным, может служить победная освободительная война и полное восстановление прусского государства, его армии и офицерства. Преграда была устранена, и пациент снова смог дышать.

Однако, оправившись, пациент не испытал никакой благодарности к докторам, которые его вылечили. Известно, что даже через много лет после смерти Шарнхорста Борштель (которого вынудили покинуть комиссию) не мог без ненависти и возмущения слышать упоминание имени этого великого человека. Еще один старый консерватор, генерал фон Йорк, когда принц Вильгельм в разговоре с ним попытался защитить новые правила распределения должностей, бро-

сил ему прямо в лицо: «Если ваше высочество отняли у меня и моих детей наши права, то как вы можете поручиться за сохранение своих собственных?» Якобизм, ни больше ни меньше, – таково было обвинение, которое удрученное прусское дворянство предъявляло создателям новой системы.

Да и сам король, когда почувствовал, что снова уверенно держится в седле, пожалел о своем недавнем безрассудстве, и это проявилось в том, как он решил проблему военных училищ. Военные училища в том виде, в котором они существовали в Пруссии и других германских государствах еще со времен великого курфюрста, представлялись людям вроде Шарнхорста, Гнейзенау и даже Гумбольдта рассадником устаревшей идеологии классовой исключительности. Поэтому они хотели, чтобы подобные учреждения были упразднены. Но в этом вопросе военный министр Бойен проявил больше проницательности. Учитывая пожелания короля, он намеревался лишь привести дух этих учебных заведений в соответствие с новым характером армии, а именно с принципами равенства перед законом и поощрения таланта и энергии. В частности, он хотел включить в число семей, чьи сыновья могут быть приняты в военные училища, весь класс гражданских служащих. В соответствии с этим он особо подчеркивал высокое положение чиновников. Но даже это было для короля уже слишком. Поэтому он снова ограничился семьями офицеров. Это могли быть либо те семьи, чьи отцы погибли в бою, либо те, которым он мог даровать это

право как знак своего особого расположения. На практике это означало, что в военные училища не принимали почти никого, кроме юношей из дворянских семей. В конце концов, офицеры, у которых к тому времени (1816) были сыновья, годные по возрасту для поступления в военное училище, уже были офицерами до 1808 года, а следовательно, они, скорее всего, были дворянами. Если учесть этот факт, то станет очевидно, что ограничение приема лишь сыновьями павших в бою офицеров приводило к тому, что в военные училища попадали лишь дворяне (если не считать исключительных случаев королевской милости).

Таким образом, король воссоздал заслон против возможных последствий своего собственного указа от 6 августа 1808 года, а именно чрезмерного притока буржуазии в офицерский корпус. В конце концов по совету Шарнхорста сотни «добровольцев» (егерей) из буржуазных семей были назначены офицерами ополчения, чтобы компенсировать потери, которые армия понесла с мая 1813 года, и к концу 1815 года почти треть всего офицерского корпуса состояла из этих егерей. Когда мир был восстановлен, многие из этих людей не стали возвращаться в гражданскую жизнь: или их не привлекала профессиональная карьера, или перспективы, которые она сулила, их не устраивали, или у них были другие соображения. Лучшие из егерей – всего около 1300 человек – получили должности в линейных полках как «сверхкомплектные» офицеры и постепенно заняли вакансии кадро-

вых офицеров. Однако эти люди сильно различались по своему социальному и интеллектуальному уровню, и среди них попадались личности весьма сомнительные, а также такие, которых принц Фридрих-Карл однажды назвал «чужеродными элементами». Несомненно, знакомство с этими людьми очень скоро вызвало у кадровых офицеров негативное отношение к реформам.

Однако это негативное отношение не имело бы никаких последствий, если бы оно, так сказать, не опиралось на поднимающуюся волну реакции и реставрации, которая затопила все, что было посеяно реформой. После сокрушительного поражения 1806 года юнкерский элемент прусского офицерства, сыгравший почетную роль в освободительной войне, вернул себе чувство собственного достоинства. Естественно, он старался покончить с унижением, которому он подвергся в результате указа о реформе, и вернуть себе утраченное положение. После освобождения и воссоздания государства началась упорная борьба за превосходство, и нигде это не проявлялось так отчетливо, как в офицерской среде. В ополчении практически все офицеры были выходцами из буржуазных семей, а что касается остальных подразделений, то в 1817 году в списках офицерского состава было 4138 дворянских и 3367 буржуазных фамилий, в 1818 году 3605 и 3053 соответственно. Очевидно, что преимущество юнкеров было совсем незначительным, и, естественно, они теперь старались использовать любую возможность отвести от себя

опасность неминуемого поглощения. В то же время брожение умов получило такое широкое распространение, что не могло не коснуться самих юнкеров, и общее увлечение левыми взглядами затронуло их не меньше, чем все общество в целом. Но после того, как маятник был смещен влево в течение почти десяти лет, сдвиг вправо был продиктован самим законом равновесия.

Тем не менее нужно отметить, что существовала и другая сила, которая придала движению вправо дополнительный импульс, и вызвана она была не войной, не политикой и не причинами социального характера. Сила эта – романтическое движение. Это было не просто литературное или художественное направление, с ним было связано формирование нового мировоззрения. Его дух проявлялся в различных сторонах общественной деятельности: наука, политика, социология, религия – все подверглось его влиянию. Характерной чертой романтического движения в Германии было воспевание христианско-германской рыцарственности, тесно связанной с патриархальными и корпоративными порядками германского Средневековья.

Если романтики ставили себе целью представить германский дух в его первоначальном виде, вдохнуть новую жизнь в идеалы веры, манер и морали, то практическим результатом их деятельности стало восстановление старых классовых порядков и сословных различий как в общественной жизни, так и в государственном устройстве, имевших место в ста-

рой империи – рейхе. Вне всякого сомнения, идея восстановления рейха находила большую поддержку в западных и южных областях Германии (где ее усиливало католичество и связанные с ним романтические тенденции), в то время как концепция классового общества была более популярна на востоке, где имперские традиции были не столь глубоко укорененными и в целом более фрагментарными. С другой стороны, на востоке, в Пруссии, укрепление классовой системы неизбежно вело к отказу от достижений абсолютизма XVII века, благодаря которому сформировалось прусское государство. Другими словами, введение аристократических и сословных привилегий вело к ослаблению конституционного единства страны. Крупный авторитет в конституционных вопросах Халлер поднял эти идеи до уровня догмы. У него нашлись влиятельные и преданные сторонники в лице кронпринца (впоследствии императора Фридриха-Вильгельма IV) и его друзей (позднее известных как камарилья). Но воплотить эти романтические принципы на практике оказалось непросто, поскольку они еще совсем недавно были реальностями и противодействие им было слишком сильным.

Политическое решение было найдено в тесном сотрудничестве с Австрией Меттерниха, и в аграрном вопросе крупные землевладельцы получили значительные преимущества. После ухода Бойена с поста военного министра в 1819 году наметились тенденции не просто к изгнанию подозрительных элементов, но и к формированию системы, которая га-

рантировала бы, что «чужеродные», т. е. буржуазно-либеральные элементы будут лишены продвижения по службе, что и до этого происходило лишь в исключительных случаях. Когда Бойен во второй раз занял пост военного министра (1840—1848), он был так же бессилён переломить эти тенденции, как и сама революция 1848 года. Последняя не внесла практически никаких изменений в состав прусского офицерского корпуса, но только укрепила офицерство в его твердом намерении противостоять либеральным идеям и ещё сильнее крепить единство короны и аристократии.

Однако внутри самого офицерского корпуса заметно усилилось напряжение, связанное с деятельностью двух противоборствующих лагерей. Принц Фридрих-Карл Прусский в своем эссе (приложение 1) отмечает, что к 1855 году те из «ополченцев», кто остался в армии, дослужились к сорока и более годам до командующих полками и выше. По его мнению, они проявляли безответственность и небрежность при назначении на офицерские должности, и поэтому среди офицеров снова появилось множество «странных типов». Далее принц пишет о том, что сыновьям бедных дворян и стесненных в средствах офицеров стало ещё труднее пробиться в люди с помощью военной карьеры и что в конце концов (примерно с 1845 до 1860 года) офицеров приходилось набирать «отовсюду, откуда только можно: молодые буржуа получали офицерские звания в таких количествах, о каких до сих пор не могли и мечтать, а принятые на службу аристократы за-

частую оказывались самыми никчемными личностями – это были те, кто забросил учебу, и им подобные. Примерно в то же время качество обучения в наших военных академиях заметно ухудшилось, и до сих пор оно оставляет желать лучшего. В Берлинском кадетском корпусе появились многочисленные случаи воровства».

И тем не менее подобные явления могли выглядеть совершенно по-другому в глазах людей, занимавших более высокое положение в армии, что заставляет взглянуть на вещи шире. Можно привести, к примеру, высказывание фельдмаршала Мантейфеля, главного оппонента принца Фридриха-Карла, который резко возражал против «привилегий для невежественных аристократов», которые существовали с 1840 по 1857 год, т. е. во время правления Фридриха-Вильгельма IV. По словам Шмоллера, Мантейфель часто рассказывал, как ему пришлось вычищать всех этих людей из армии, когда он был главой военного кабинета с 1850 по 1857 год. «Это, – не раз говорил он, – было моим величайшим политическим достижением. Если бы я не исправил положение, мы бы не победили в 1864, 1866 и в 1870 годах. В начале 50-х офицеры были гораздо хуже, чем в 1806 году».

Сходное, но менее резкое, а также более обстоятельное и глубокое суждение было высказано другим историком – человеком, который постоянно находился в тесном контакте с главными действующими лицами и при этом обладал научным складом ума, позволившим ему проникать в суть собы-

тий. Это был Теодор фон Бернхарди. Находясь в Берлине 18 мая 1855 года, он записал: «Обедал с майором Швейницем. Много говорилось об армии и политике. Швейниц ведет себя довольно нелепо, хотя человек он достаточно образованный. Как и другие инженеры, он мыслит вполне либерально, но выработал привычку высказываться в духе «Кройццайтунг» (ведущей церковной газеты того времени). Полковые командиры стараются не брать выходцев из буржуазных семей на должности унтер-офицеров. Такой у них приказ! Все направлено на то, чтобы офицеры были сплошь дворянами, как в добрые старые времена. Швейниц поддерживал эту идею, представив в ее защиту совсем не политические аргументы. Он утверждал, что офицеры из буржуазии гораздо чаще влезают в долги. Аристократы, т. е. сыновья бедных офицеров, привыкли обходиться малым. Готовится план расширения кадетского корпуса с тем, чтобы на офицерские должности принимали исключительно кадетов, а это самый верный способ посеять отчуждение между страной и армией – чего они, собственно, и добиваются, хотя им и невдомек, что это вызовет отвращение к армии, как это было до 1806 года. И эти гнусные, омерзительные правила призваны упрочить положение монархии. Буржуа, которые хотят стать офицерами, принимаются только в саперы или артиллеристы. Людей вроде Швейница это сильно раздражало, поскольку на артиллеристов и саперов стали смотреть как на низшую касту. Дело зашло так далеко, что, когда принца Карла назначи-

ли фельдмаршалом артиллерии, королева и принцесса смеялись над ним, говоря, как низко он пал – стал артиллеристом!»

Свидетельство из столь информированного источника очень показательное, однако его заключительный эпизод требует некоторого пояснения. По своему социальному происхождению офицеры, служившие в инженерных войсках и тем более в артиллерии, отличались от офицеров пехоты и кавалерии так же сильно, как и в XVIII веке. В последней группе преобладали аристократы, а в первую чаще всего попадали «сыновья почтмейстеров, сборщиков налогов, студентов-переростков и т. д. Артиллерия была благодатной питательной средой для всех, кто не мог попасть ни на какую другую службу». Фон Хана, генерального инспектора артиллерии, такая ситуация очень огорчала, и он считал себя обязанным попытаться поднять социальный престиж артиллерии. Для этого он дал своим подчиненным приказ ужесточить требования к кандидатам в офицеры, включая и социальное происхождение. Эти усилия принесли свои плоды, и в последние годы перед Первой мировой войной артиллерия стала одним из самых уважаемых родов войск. Артиллеристы считали себя гораздо умнее и образованнее пехотных офицеров.

Посторонних наблюдателей обычно поражало старое соперничество между различными родами войск, проявлявшееся в различных формах: от безобидного взаимного под-

дразнения до профессиональных и бытовых ссор, принявших серьезный оборот. В наибольшей степени это было характерно для отношений между офицерами линейных полков и ополчения. С профессиональной точки зрения это было вполне понятно, поскольку как солдаты, так и офицеры ополчения не могли сравниться с теми, кто провел в армии всю свою жизнь. Но тут действовал еще и социальный фактор: поскольку офицеры ополчения обычно были выходцами из буржуазных семей, и зачастую не слишком состоятельных, офицеры регулярных частей с их аристократическим происхождением и привычками обычно смотрели на них сверху вниз. С самого начала это служило препятствием для армейских реформ Бойена, в определенной степени сводившим их к нулю.

Глава 3

Пруссия: увеличение армии и изменение ее состава

В 1860 году реорганизация армии, которую принц Пруссии¹⁶ продумал за время своего пребывания в Кобленце, положила конец раздельному существованию ополчения и сделала его частью регулярной армии. Это был крайний шаг, вызванный тем, что положение стало невыносимым. Реорганизация привела к дальнейшему развитию идеи Шарнхорста о всеобщей воинской повинности, предполагавшей увеличение количества рекрутов пропорционально росту населения. В то же время численность всей армии, включая офицеров, почти удвоилась. Это было первое значительное увеличение ее численности со времен заключения Тильзитского мира в 1807 году. Необходимость таких мер показала уже мобилизационная кампания 1850 года, когда как в регулярную армию, так и в ополчение удалось набрать лишь половину от требовавшегося количества лейтенантов. Увеличившаяся потребность в офицерах вынудила армейское руководство расширить социальный слой, откуда проводился набор

¹⁶ *Вильгельм* (1797—1888) – «принц Пруссии» во времена правления своего бездетного брата Фридриха-Вильгельма IV (1840—1863) и регент с 1860 г. С 1863 г. король Вильгельм I Прусский и с 1870 г. германский император Вильгельм I.

офицеров, что значительно больше повлияло на социальный состав прусского офицерства, чем внутреннее реформирование армии. Столь же существенное влияние оказал приказ Мантейфеля, занимавшего тогда пост главы военного кабинета, об уменьшении возрастных границ для назначений на высшие должности, хотя король, который лично знал всех своих офицеров, тщательно изучал каждый случай в отдельности и сам принимал окончательное решение.

Чтобы заполнить хотя бы большую часть недавно созданных постов, пришлось принимать офицеров «отовсюду, где только можно было надеяться найти что-либо подходящее», и делать это в значительно больших масштабах, чем в предыдущие годы. Одним из источников стали старшие классы кадетских училищ, но, если верить отзывам принца Фридриха-Карла (см. выше), этой группе было далеко до принятых требований. Еще одним источником пополнения стал перевод офицеров из ополчения, но и в этом случае мнение принца Фридриха-Карла, даже при всей его предвзятости, служит типичным примером того, что думали по этому поводу другие старшие офицеры. Хотя он описывает положение дел в дивизии, которой сам командовал, нельзя полагать, что и в других частях дело обстояло подобным же образом.

Точные формулировки в сочетании с фактическим материалом придают анализу принца большой интерес и дают нам бесценную возможность ознакомиться с социальным климатом и взглядами тех, кто устанавливал стандарты. Бо-

лее того, это свидетельство человека, мыслившего достаточно независимо. Возникает желание спросить: «Если они вели себя подобным образом в эпоху процветания, то что же может твориться в тяжелые времена?» После этого уже не удивляешься, когда генерал фон Шак в письме к своему другу Мантейфелю сваливает в одну кучу «докторов, мелких чиновников, лавочников, другими словами, разбогатевших крестьян и особенно попов», называя их «классами, которые редко дают материал, пригодный для офицерскогословия».

В 1864 и 1866 годах, во время войн с Данией и Австрией, впервые возникла насущная потребность в назначении офицеров из тех социальных слоев, которые до тех пор были почти не представлены в пехоте и кавалерии. В результате в военном кабинете и министерстве все сильнее стали чувствоваться сомнения относительно того, не подорвет ли такая практика основы «рыцарственного духа» в прусском офицерском корпусе. Этим дурным предчувствиям мы обязаны появлению статистического обзора «Кадеты, успешно прошедшие военную экзаменационную комиссию и получившие офицерские звания в 1862—1863 и 1866—1867 годах, с указанием социального положения их семей». Это исследование было проведено в 1867 году, и это первый настоящий статистический материал из того, что можно найти в архивах. Это еще один знак того, что наступившая эпоха была гораздо более трезвой и реалистичной и больше основывалась

валась на фактах и цифрах, чем во времена Бойена.

Исследование показывает, что за три выбранных года количественный состав сдававших экзамен на звание унтер-офицера был следующим:

I. Дворяне	1234, или 49%
Буржуа	1282, или 51%
II. Сыновья офицеров	835, или 33%
Сыновья старших офицеров	657, или 26%
Сыновья землевладельцев	498, или 20%
Сыновья священнослужителей и учителей	179, или 7%
Сыновья мелких чиновников	151, или 6%
Сыновья купцов и предпринимателей	121, или 5%
Сыновья рантье	75, или 3%
	<hr/>
Итого:	2516, или 100%

В первую очередь необходимо сделать одно общее замечание о том, что деление на буржуазию и дворянство не связано с «социальным положением семей». Это указывает на то, что процесс социального расслоения, шедший с тех пор, как были отменены привилегии дворянства, дошел до такого момента, когда принадлежность к дворянству или буржуазии уже не могла сама по себе служить показателем социального статуса конкретного человека, как и наоборот. Поэтому вторая часть таблицы гораздо информативней, чем первая. Скорее всего, основная масса (1234 дворян) первого набора представлена сыновьями офицеров, землевладельцев и в

меньшей степени сыновьями старших офицеров из второго набора. Это те классы, которые имеются в виду, когда официальная и военная пресса говорит о «старом прусском материале для армии». Единственное добавление – это сыновья священнослужителей, учителей с университетским образованием, адвокатов и врачей – группа, которая раньше была представлена очень фрагментарно, но с началом 60-х ее представители стали поступать на службу в армию в значительном количестве. В их появлении не видели ничего плохого.

Серьезные опасения вызывали, однако, сыновья купцов и фабрикантов, которые в это время активно претендовали на офицерские должности. Считалось, что «их привлекает возможность более быстрого повышения и что они полагают, что в армии они могут достичь гораздо большего, чем в любой другой сфере». Это типичный образец того, как относилось общество к крупной буржуазии до того, как была основана новая империя и в Германии начался экономический подъем. Однако вскоре эта среда станет главным поставщиком офицерских кадров для самых престижных частей и жен для офицеров. Никто не задумался, кого понимать под «купцами и предпринимателями»: обычных лавочников или владельцев крупных торговых фирм и фабрикантов. Коммерческая жизнь тогда еще не рассматривалась по имущественным стандартам последующего времени. Социальный статус подобных занятий был низок, и выходцы из таких семей не

могли считаться «хорошим» материалом для офицерского корпуса. Им позволяли поступать на службу (при условии, что они обладали необходимой квалификацией), чтобы удовлетворять постоянно растущую потребность в офицерах.

В 60-х годах кандидатов «старой прусской породы» становилось все меньше. Следующая таблица показывает их уменьшение в абсолютных цифрах и процентах:

	1860	1864	1869
Общее количество кадетов, поступивших на службу	774	553	683
Кадеты из старой прусской породы	690	464	532
Процент старой прусской породы от общего числа	89%	83,5%	77,8%

Прием кадетов из других государств конфедерации и добавление к Пруссии девяти провинций должны были оказать влияние на приведенные выше соотношения, но это влияние оказалось очень слабым. Так, например, в 1867 году среди кандидатов было только 36 из Ганновера, 14 из Гессе, 16 из Нассау, 10 из Шлезвиг-Голштинии и 3 из Лауэнбурга, а также 47 из других государств Северогерманского союза и 5 иностранцев. С другой стороны, количество сыновей мелких чиновников, купцов, предпринимателей и рантье выросло за период между 1863 и 1866 годами с 8 до 18%. В 1860 году на службу поступило 690 выпускников кадетских училищ

«старой прусской породы», к 1869 году увеличившейся армии требовалась уже тысяча новых офицеров, но их поступило только 532. Другими словами, «старый прусский контингент» сократился примерно наполовину по сравнению с 1860 годом.

Почти такая же картина получится, если сравнить количество офицеров из дворянских семей в эти два выбранных года. В 1860 году в армии служило 4286 офицеров-дворян (в 1843 году их было 4230), а после того, как офицерский состав был увеличен почти вдвое, к 1869 году их должно было бы стать около 8400. Однако в действительности их было только 5455. Сразу же после увеличения численности и реорганизации армии в 1860—1861 годах командиры полков, которые «закостенели в своих устарелых взглядах на отбор молодых офицеров, противились расширению социальной прослойки, к которой могли принадлежать кандидаты». Военские части должны сделать все от них зависящее – такое мнение высказал генерал фон Ведер, командующий I армейским корпусом, в своем письме к Мантейфелю. И как показывают цифры, именно этим они и занимались. Результат был таков, что даже Вильгельм I, который был инициатором реорганизации, приведшей к столь далеко идущим последствиям, пожаловался в начале 1870 года, что «во многих гарнизонах поведение молодых офицеров заметно испортилось», и посчитал своим долгом обратить внимание на то, что ничто не может заменить полученного в семье воспита-

ния, врожденной порядочности и, по возможности, традиций офицерства, передающихся сыновьям от отцов и дедов. «Это унижает армию, которой он обязан всем, поскольку, принимая недостойных офицеров-кадетов, полковой командир подрывает репутацию офицерства как класса».

Подобные призывы были, разумеется, пустой тратой времени. Потребности превысили то количество, которое мог обеспечить «старый прусский контингент», и полковым командирам ничего не оставалось, кроме как «делать все от них зависящее», прибегая к нетрадиционным источникам офицерских кадров. Во время войны 1870—1871 годов даже Вильгельм I признал, что не может требовать от армейского командования, чтобы они «взяли офицеров из ниоткуда». В результате ему оставалось лишь возложить на Верховное командование «ответственность за строгое соблюдение офицерами кодекса чести». В то время Пруссию больше всего заботило, как заполнить вакантные офицерские должности. Для этого использовали офицеров ополчения и тех, кто ушел в отставку, но среди них было много таких, «чье прошлое, а также обстоятельства, при которых они оставили службу, делали их кандидатуры неприемлемыми».

В отдельных случаях подобные опасения были оправданы, но, тем не менее, победоносная война 1870—1871 годов показала, что новое, не принадлежащее к социальной элите офицерство способно сражаться и побеждать. Война увеличила потребность в офицерах, что привело к дальней-

шему разбавлению прусского офицерского корпуса буржуазией. Однако старомодная фраза «благородное сообщество офицеров» по-прежнему продолжала использоваться – позже мы узнаем, были ли для этого какие-либо основания, – и точно так же в последующие десятилетия постоянно раздавались жалобы на снижение качества молодых офицеров как в социальном, так и в нравственном плане.

Однако каждое из этих требований – «рыцарственности» и продвижения более низких социальных групп – получило определенное признание императора Вильгельма II. В самом начале его правления – характер которого был обусловлен рядом известных деклараций в области социальной политики – он издал приказ, датированный 29 мая 1890 года, в котором говорилось: «Подъем уровня образования нашего народа позволяет расширить социальный слой, из которого можно набирать пополнение для офицерского корпуса. Сегодня на право стать офицером могут претендовать не только лица благородного происхождения – благородство характера во все времена было отличительной чертой офицерского сословия, и так должно остаться и впредь. Но это возможно лишь в том случае, если молодые офицеры будут набираться из тех слоев общества, где честь ценится превыше всего. Будущее моей армии я вижу не только в отпрысках дворянских семей и сыновьях офицеров и государственных служащих, которые по давней традиции служили оплотом нашего офицерского корпуса, но также и в сыновьях до-

стойных буржуазных семейств, воспитавших в своих детях любовь к родине и королю, глубокое уважение к армейской службе и христианскую нравственность».

В действительности император не объявлял о новом источнике для набора офицеров: этот источник использовался уже тридцать лет – со времен Фридриха-Вильгельма III (1808). Существенным было то, что этот источник снова и навсегда признавался безупречным. Важно было также, что монарх из династии Гогенцоллернов заговорил таким демократичным языком не тогда, когда трон под ним пошатнулся, а в момент наибольшего материального благополучия. В этом смысле Вильгельм II действительно объявлял о новом курсе, и его слова были ясно поняты командирами частей и офицерами в целом по всей стране. Дальнейшее увеличение армии и формирование новых подразделений, происходившие в последующие двадцать лет, не оставляли никакой другой возможности для набора необходимого количества офицеров, кроме как обращения к тем социальным классам, которые теперь получили одобрение императора. Был тут и еще один фактор. Зачастую сыновья потомственных военных не хотели продолжать семейную традицию, а предпочитали искать счастья в коммерческой деятельности. В свою очередь дети богатых «выскочек» становились армейскими офицерами, поскольку презирали любой другой вид деятельности, в то время как молодые джентльмены старого типа поступали во флот, где в то время было больше возможно-

стей сделать карьеру.

Поэтому позднее позиция Вильгельма II в определенной степени изменилась, и он снова заговорил о необходимости тщательного отбора кандидатов на офицерские должности. Так, например, в 1902 году его озаботил тот факт, что почти половина принятых на службу унтер-офицеров «принадлежали к тем классам, представительство которых в армии ранее было весьма немногочисленно. В то же время с каждым годом все меньше сыновей офицеров и поместного дворянства идет на службу в пехоту». Лучше иметь небольшой по составу офицерский корпус, состоящий из представителей высших классов, чем присваивать офицерские звания людям, чье происхождение и воспитание делает их непригодными для службы в армии. Такая идея содержалась в каждом приказе о наборе офицеров, что вступало в противоречие с потребностями, которые невероятно возросли вследствие значительного увеличения численности армии.

Хорошим подтверждением этому может быть таблица в приложении 2 из неопубликованного ежегодного отчета инспекторов военных училищ, показывающего социальное происхождение учащихся в последние одиннадцать лет до начала Первой мировой войны. Добавленные к этому сравнительные данные за 1888 и 1899 годы дают общую картину изменений, происходивших в этой области с момента вступления на престол Вильгельма II и до начала войны.

Едиственное, что не претерпело никаких изменений, –

это количество сыновей фермеров-арендаторов и управляющих именьями. Среди учащихся стало меньше сыновей офицеров и землевладельцев. Количество же тех, чьи отцы имеют университетское образование (группа 3), напротив, увеличилось, особенно после 1911 года, и такой же рост наблюдается для сыновей купцов и предпринимателей, а также мелких чиновников (группа 7) и просто частных лиц, под которыми наверняка подразумеваются торговцы, ремесленники и им подобные, сколотившие себе небольшой капитал и отошедшие после этого от дел. Чтобы дать должную оценку большому увеличению количества отцов с университетским образованием, необходимо знать, какую часть от общего числа составляли государственные чиновники. В документах, к сожалению, мы не находим сведений по этому вопросу, а это позволило бы показать (с учетом статистических данных за 60-е годы), что резкое увеличение числа учащихся, чьи отцы имели университетское образование, происходило не за счет чиновников, а главным образом за счет представителей «свободных» профессий – врачей и юристов. Такие профессии в большей степени принадлежат к миру свободной конкуренции, чем государственная служба, и значительный рост благосостояния и численности населения, наблюдавшийся после образования империи, привел к тому, что количество такого рода профессионалов, равно как купцов и промышленников, сильно возросло.

Но для различных социальных или профессиональных

групп вопрос о том, посылать ли им своих сыновей на службу в армию, не всегда определялся их свободным выбором. В действительности, как мы уже видели, экономическая ситуация всегда служила мощным стимулом, и это особенно ясно видно в XIX веке, после того как свободная конкуренция разрушила старые узы сословных ограничений. В течение почти всего века, но особенно в 50-х и 60-х и даже 80-х годах, уровень доходов от крупной сельскохозяйственной собственности рос только с тем, чтобы снова упасть вследствие конкуренции с иностранными производителями, особенно с Россией. Торговля и промышленность также бурно развивались в течение всего XIX столетия, и, несмотря на существенное снижение темпов роста в последние его годы, в начале XX века была достигнута вершина благополучия. Если провести на графике линии, соответствующие развитию этих отраслей, то они окажутся параллельны линии роста количества офицеров. И это не случайное совпадение, а прямое следствие. Если пренебречь влиянием различных противоречащих друг другу факторов, то экономический подъем в конкурентных сферах деятельности должен привести к тому, что профессия офицера – «первого сословия на земле» – станет хотя и не слишком прибыльной, но, тем не менее, почетной. Мотивом для такого выбора могут послужить этические, социальные, патриотические соображения или просто традиция. Экономическое давление ослабляло или полностью исключало подобные мотивы, в зависимости от того,

насколько они были сильны. Данные, отражающие социальное происхождение офицерского корпуса Пруссии, где социальные и экономические сдвиги, произошедшие в XX веке, оказались особенно заметными, позволяют сделать выводы, существенно отличающиеся от тех, которые можно сделать, рассматривая этот вопрос лишь под нравственным или политическим углом.

Общие экономические факторы дополнялись еще одним, имевшим значение для наследственного дворянства, а именно его способность к самосохранению. На протяжении веков происходило пресечение одного за другим дворянских родов, и даже присвоение дворянских титулов в современной Германии не могло компенсировать эту убыль.

Имеет смысл соотнести этот факт с проблемами прусского офицерства. Делая это, мы не должны забывать о быстром росте численности населения и резком подъеме уровня жизни, вызванного преимущественно развитием промышленности и торговли. С учетом сказанного, а также того факта, что начиная с 1860 года в связи с увеличением численности армии постоянно росла потребность в офицерах, мы можем ожидать существенного изменения социального состава прусского офицерского корпуса в целом и соотношения между дворянами и буржуазией в частности. В 1860 году 65% прусских офицеров были дворянами и 35 – буржуа. К 1913 году это соотношение кардинальным образом поменялось: офицеры дворянского происхождения составляли

лишь 30%, в то время как на долю офицеров буржуазного происхождения приходилось уже 70%. Эта тенденция отчетливо прослеживается даже для более высоких чинов – генералов и полковников:

1860	дворяне	86%	буржуазия	14%
1990	— » —	61%	— » —	39%
1913	— » —	52%	— » —	48%

В 1913 году среди младших чинов – капитанов и лейтенантов – всего лишь 27% дворян и 73% буржуа, а среди лейтенантов это соотношение составляло 25% и 75% соответственно. Заметим, что процент буржуазии среди офицеров низших чинов был выше среднего по армии, а среди старших офицеров, наоборот, ниже. Если исключить из рассмотрения гвардейские полки, то наиболее резко процент дворян среди офицеров упал в пехоте. Так, например, в 1873 году сразу после Франко-прусской войны выходцы из буржуазных семей уже составляли более 62% от общего числа лейтенантов, и в последующие тридцать пять лет их представительство возросло до 78%. В абсолютных цифрах количество лейтенантов дворянского происхождения уменьшилось на 300 человек, т. е. почти на треть, в то время как количество буржуа увеличилось на 1000 человек, т. е. почти в половину. Такое же изменение как относительных, так и абсолютных соотно-

шений наблюдалась и в других родах войск. Все больше и больше представителей буржуазии шло на службу в армию, и чем выше поднимались они по службе, тем быстрее изменялось процентное соотношение, что придавало всему прусскому офицерскому корпусу буржуазный характер.

Более того, офицерская элита – Генеральный штаб – переживала аналогичную трансформацию. В 1906 году, например, в его составе было 60% офицеров-дворян и 40% буржуа (включая временные назначения, железнодорожные войска и командиров строевых частей), но к 1913 году их количество сравнялось. С другой стороны, в тот же период в военном министерстве подавляющее большинство офицеров были выходцами из буржуазных семей. Именно там на самом деле находился административный центр армии, и его глава был единственным военным, кто нес ответственность перед рейхстагом за все вопросы, связанные с армией, за исключением тех, что находились непосредственно в ведении императора.

По мере того как армия становилась все более буржуазной по своему характеру, дворянство все дальше отходило на задний план и все более активно протестовало против такого положения дел. Раньше, в середине XIX века, дворянству без труда удавалось остановить напор буржуазии. Оно добилось, чтобы предпочтение отдавалось «старому прусскому контингенту». Но сейчас положение изменилось: «старого контингента» больше не существовало, а те, что оста-

лись, не шли на службу в армию. После того как дворянство безвозвратно утратило свое привилегированное положение и оказалось в меньшинстве, оно повело себя в соответствии с социологическими законами, т. е. сплотилось и замкнулось в своем кругу. Стремление отгородиться от внешнего мира свойственно любому меньшинству, у которого нет надежды когда-либо стать большинством.

Сознавая свое особое положение и стараясь его сохранить, прусские офицеры-дворяне и действовали соответственно. Они стремились собраться и закрепиться в определенных полках – особенно в гвардии и кавалерии. Предпочтение оказывалось полкам, квартировавшим в столичных городах, где находились дворы германских королевских семей. Монархи и принцы очень часто были официальными покровителями этих частей, и они использовали свое влияние, чтобы сохранить пропорцию дворян среди офицеров этих полков. Другие города, обладавшие в глазах дворян такими достоинствами, как светское общество, наличие театра или живописных окрестностей, также становились центрами притяжения для «провинциальной гвардии». Были среди офицеров и такие, кто предпочитал службу в отдаленных гарнизонах на восточной границе рейха, их, без сомнения, привлекало приятное общество местных землевладельцев. С другой стороны, в Лотарингии, где природа гораздо красивее, жизнь в приграничных гарнизонах была совсем другой: политические факторы ограничивали общение офице-

ров только своим кругом, и с начала 80-х в таких полках постоянно возникали трудности с поддержанием численности офицеров на должном уровне. Наконец, во многих старых подразделениях большую роль играли традиции: например, в Восточной Германии дворянские семьи гордились тем, что их сыновья будут служить в полках, в которых служили, сражались и погибали их предки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.